

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2 (470+571)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.В. Листвина

Саратовский государственный университет,
кафедра философии культуры и культурологии
E-mail: listvamer@yandex.ru

Статья посвящена анализу трансформационных процессов, влияющих на политический выбор в условиях современной отечественной политической ситуации. Автор исследует ментальные и архетипические основы восприятия власти в России и те изменения, которые произошли в их рамках в последние десятилетия.

Ключевые слова: политическая ситуация, ментальность, трансформационные процессы.

Political Situation: Sociocultural Aspect of Political Choice in Modern Russia

E.V. Listvina

This article is devoted to analyse of transformation's processes influenced on political choice in political situation in modern Russia. Author investigated a question of mental and archetypical foundations of perception political power and changes which have take place in modern Russia.

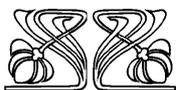
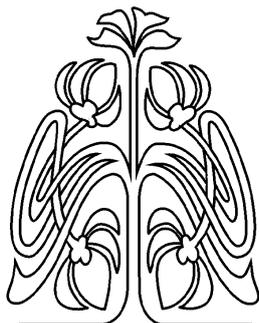
Key words: political situation, mentality, transformation's processes.

Определяя ситуационность как одну из современных качественных особенностей существования социума, можно согласиться с тем, что понятие «ситуация» (от лат. – положение, обстановка, совокупность обстоятельств) используется в гуманитарных исследованиях довольно часто. С одной стороны, единой в смысле восприятия, проживания, фактологической характеристики ситуации, скорее всего, быть не может, а с другой – пытаться конструировать ее для исследовательских целей вполне реально¹. Как утверждает Е.А. Тюгашев, общее понятие ситуации возможно, поскольку оно фиксирует определенность ситуации как таковой².

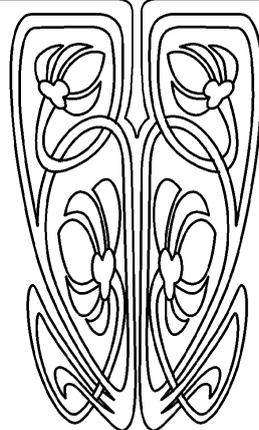
Попытки дать характеристики и обоснования понятию «ситуация» предпринимались рядом ученых. Так, согласно Ю. Хабермасу, «ситуация представляет собой некий фрагмент, выделенный в жизненном мире применительно к той или иной теме»³. Кроме того, при исследовании ситуации отмечается момент, связанный с ее смысловыми качествами. «Ситуация, – отмечает И.В. Голубович, – не столько природно-историческая, сколько смысловая действительность. Единство смысловых связей скрепляет фрагментарные ситуации в исторический универсум. Именно это смысловое отношение разрывает и расширяет границы ситуации»⁴.

В рамках исследования политической ситуации также возможен ряд аспектов, позволяющих анализировать современные политические процессы в социокультурном плане, используя культурные, этнические и ментальные ракурсы оценки события, лежащего в основе нашего бытия.

Рассмотрим с этой точки зрения особенности взаимоотношений личности и власти в современной российской политической ситуации, опираясь на приведенные выше характеристики и отмечая их некую парадоксальность, причины которой, однако, можно попытаться найти.

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Несомненно, специфика этих взаимоотношений имеет определенное влияние на условия и результаты политического выбора современной России, присутствуя как в повседневном бытии (не выражено и не политически рефлексированно), так и в непосредственно гражданском участии в политической жизни страны.

Действительно, можно отметить, что в русской культурной традиции власть воспринимается как состояние имманентное и одновременно достаточно безличностное. Мы сталкиваемся здесь с определенным парадоксом. В России власть всегда пользовалась уважением. К ней относились и относятся как к сакральному феномену, лежащему в фундаменте миропонимания и мироощущения, без которого не мыслится вообще существование государства и человека в нем. Но в то же время внутренняя повседневная жизнь отдельного индивида весьма далека от постоянного участия в событиях, связанных с деятельностью власти. Это не лишает личность эмоционального переживания власти как таковой и ее иррационального влияния на жизнь, действия человека, его политические и социальные позиции. Однако непосредственное компетентное воздействие, которое воспринималось бы как реальное, осязаемое самим индивидом влияние на власть, практически отсутствует в ментальной сфере русского человека.

Такой же двойственной особенностью отношения к власти можно назвать и своеобразное отношение к личности, находящейся на вершине власти. С одной стороны, власть изначально персонифицирована, какие бы внешние формы она не принимала. В принципе, на уровне культуры повседневности мало изменилось восприятие образа человека, стоящего на самой вершине властной структуры, будь то князь, царь, генеральный секретарь, президент, сменявшие друг друга на протяжении сложной истории России. В конце концов отличия сводились только к внешней атрибутике. Внутренне индивид видит в стоящем у власти человеке определенную личность, концентрирующую в себе все ментальные характеристики власти.

С другой стороны, в силу последнего утверждения, как бы ни именовался тот, кто находится над всем и всем управляет, постепенно его личностные, индивидуальные черты, а также политические нюансы стираются, «подгоняясь» под собирательный образ верховной властвующей персоны. Таким образом, мы чаще всего имеем дело с ярко выраженным, проявленным архетипом власти, который, по К.Г. Юнгу, определяется как коллективный «осадок» исторического прошлого. Он может приобретать некоторые отличия чисто внешнего характера, не затрагивающие внутреннего, сложившегося за долгие века российской истории ее синкретичного, имманентно вписанного в картину мира образа.

Такая трактовка позволяла русскому человеку существовать в отношении к власти одновременно

на двух полюсах. На одном полюсе жизнь протекала без властного вмешательства, опираясь в основном на общинный этический эталон, весьма своеобразно воспринимаемый западной культурой. Ее присутствие в крайнем случае ожидалось согласно двум известным поговоркам: «Вот придет барин, барин нас рассудит» и «До Бога высоко, до царя далеко», т.е. изредка, подобно античному *deus ex machina*, который наличествует в виде портретов, лозунгов, государственных символов, ставших частью повседневного бытия. На другом полюсе это отстраненное восприятие формировало образ всемогущего правителя, который, как царь-батюшка, приобретал былинно-сказочные черты радетеля обо всех подданных. Постепенно эти черты становились присущими любому носителю власти. Достаточно вспомнить хрестоматийные образы «дедушки Ленина» или Сталина, «который не спит в Кремле» в стихотворении молодого Е. Евтушенко. Таким образом, индивид находился в особых структурно нерасчлененных отношениях с властью, пронизывающих все сферы его бытия. И эта нерасчлененность придавала специфическую устойчивость и индивиду, и системе власти одновременно.

В чем же состоят особенности современной динамики взаимодействия власти и личности в нынешней политической ситуации?

Сегодняшнее состояние взаимоотношений индивида и власти претерпевает качественные, имеющие далеко идущие последствия изменения. Современная метаморфоза коренится в резком вмешательстве в архетипический пласт, которое проявилось и в смещении стереотипов восприятия власти, и в попытке внедрения новой, западной модели власти на российскую почву. Начиная с середины 80-х гг. XX в. устоявшаяся модель власти, «подогнанная» за годы существования СССР к привычной архетипической схеме, стала стремительно трансформироваться. М.С. Горбачев одним из первых сломал «царскую удаленность» власти, перенимая атрибуты западноевропейского демократического партийного и государственного лидера, но нельзя сказать, что в выигрыше остался в первую очередь он сам.

В привычной картине мира отстраненная власть слишком приблизилась к повседневной жизни человека, и увеличение информированности об индивидуальных характеристиках личности властвующей персоны стало во многом восприниматься им как неосознанное наступление на общую картину мира, вторжение в его собственный, личный мир. Для рядового человека, воспитанного в специфике русской ментальности, информация об «обыкновенности» лидера, его супруге, семье, интересах (помимо выполнения его властных обязанностей) не являлась необходимым элементом власти. Более того, такая приземленность подсознательно могла восприниматься как несоответствие архетипическому образу.

В результате мы можем констатировать нарушение основных параметров модели власти, сложившейся в России в последние столетия, что вполне может привести к более жесткому слову конструкции.

Так, присущая долгие столетия сакральность власти в рамках ментальной картины мира воспринималась как нерасчлененное состояние одновременного и взаимообусловленного существования индивида и верховной власти. Бытие одного без другого при распределении функций и сфер приложения деятельности было фактически немислимо. Власть сосуществовала с общемировым порядком и воспринималась как его неотъемлемая часть, как единая с ним социокультурная форма. Личность, несшая на себе печать власти, становилась на определенную высоту. Пусть не во все периоды данный уровень соотносился непосредственно с божественным, как, например, в период царской России, но в любом случае ощущалось присутствие харизмы, наличие верховного права власти. Формирование образа носителя власти, как отмечалось выше, шло именно по такому сценарию. Будь то помазанник божий, наследный правитель или избранный единомышленниками руководитель, со временем он приобретал черты харизматического лидера, на уровне обыденности иррационально воспринимаемого массами как персонифицированное воплощение власти космического порядка.

Активное разрушение устоявшегося сакрализованного порядка вещей, хоть и было положительно воспринято средними гражданами, в определенный момент натолкнулось на их же внутреннее неприятие, обусловленное устойчивыми ментальными конструкциями. Это случилось в тот момент, когда глубина реформ коснулась архетипического восприятия власти. В целом к такой смене оказались не готовы ни массы, ни сами реформаторы, что сказалось на темпах и качестве проводимых преобразований.

Кроме того, до последнего момента в отечественной ментальности присутствовала мифологизация образов власти и правителя. Они, как любой миф, обладали необходимой атрибутикой, набором устоявшихся текстов, обобщенных историй, формирующих особое властное ментальное поле с табуированными и профанными зонами. Такое четкое распределение создавало наличие жесткой системы, в которой каждый представлял свое место и действовал в рамках мифологической картины, синтезирующей в себе рациональные и эмоциональные характеристики власти, соединяющие ее общую идею и чувственный образ.

В настоящее время наблюдается смещение в сторону виртуализации образа власти. Полностью отвечая современному смыслу понятия виртуальности, под которой подразумевают одновременную кажимость и истинность, осуществляется и виртуализация власти. Мифологическая хариз-

матичность уступает место сфере обыденного. Приземленность отношения к власти проявляется и в том, что по отношению к ней начинает использоваться иная терминология. С одной стороны, благодаря средствам массовой информации, власть присутствует буквально в каждом доме: мы ее видим, слышим, можем общаться в интерактивных программах, заходить на сайты в Интернете⁵. Лица, персонифицирующие власть, становятся неотъемлемой частью повседневной жизни индивида, его спутниками во всех сферах его деятельности. Но от этого властные структуры не воспринимаются более весомыми, реальными. Они являются частью виртуального мира масс-медиа, замкнутого на себе и не выходящего за рамки своих обширных студий. Единый поток информации перемешивает информацию о власти с информацией иного рода, и мы видим, что власть в этом потоке теряет свое высокое место, которое ей было отведено в строгой мифологической картине. Власть становится лишь частью, причем равнозначной, информационного рекламного потока. Это отмечается не только в исследовательской литературе, но и в художественных произведениях современности. Так, в наиболее гротескной форме виртуализацию властных структур описал В. Пелевин⁶.

Качественно изменилась и роль ритуала. Во все времена власть обращалась к ритуальному подкреплению своего образа и проведения своих реальных задач. В условиях царской России власть использовала веками наработанный аппарат ритуалов, имеющих религиозное подкрепление, особую освященность сложившихся праздников и событий. В советский период нашей истории власть также обратилась к силе ритуала, опираясь не на религиозные, но на идеологические и архетипические начала. Так, многие советские праздники были привязаны к сельскохозяйственному календарю, при их утверждении использовалось обращение к мужскому и женскому началу (например, праздник Советской Армии и Международный женский день, которые со временем превратились именно в *мужской* и *женский* дни, и, надо сказать, власть не только не препятствовала ослаблению политического элемента, но и во многом способствовала усилению архетипического мотива). Архетип мужского и женского начала концентрированно был выражен в одном из главных символов той эпохи – скульптуре В. Мухиной «Рабочий и колхозница». Сложившиеся ритуалы массовых шествий-демонстраций, всеобщего празднования ряда государственных дат, ставших для нескольких поколений домашними ритуалами, выполняли функцию обрядового участия и даже более – причастности – ко всем важнейшим событиям в стране. Редкие обращения представителей власти в средствах массовой информации к гражданам государства также имели ритуальное воздействие.

В первые годы перестройки активно изменялись старые ритуалы, но попытка создать новые без опоры на устоявшиеся формы, которые при различной идеологической окраске все же имели единую ментальную основу, не увенчалась успехом. Сейчас мы можем наблюдать, как происходит возрождение общих принципов сложившегося ритуального *торжества* (например, в процедуре инаугурации президента, в праздновании Дня Победы, в восстановившемся праздновании Рождества, Пасхи и пр.). Но в этих случаях сильное влияние оказывает активно вторгающаяся сфера средств массовой информации, которая и осуществляет артизацию, т.е. театрализацию политической жизни, придание зрелищности, внешней эффектности без глубинного смысла любому событию в сфере власти. Политические партии рекламируются вместе с товарами всеобщего потребления при использовании одних и тех же приемов, в предвыборных кампаниях все чаще используется термин «политическое шоу» со всей присущей ему атрибутикой. Это лишает власть ее сакрального, ритуального фундамента.

Не менее важным социокультурным аспектом современной политической ситуации является проблема отчуждения и отстранения власти. Отстраненность власти при четкой оговоренности социальных, сакральных и прочих функций личности и властных структур создавала эффект устойчивого равновесия, наблюдавшегося долгие годы в нашей стране. Принцип «каждый выполняет свою роль и каждый важен и хорош на своем месте» создавал чувство стабильности и незыблемости общественных устоев. Но он несколько раз оборачивался своей отрицательной стороной. Привычкой в массе своей отдавать на откуп властным структурам все функции и оставлять себе лишь пассивную функцию одобрения действий власти среднестатистический житель нашей страны ослабил свои критические возможности и не смог оказывать даже необходимого минимума влияния на происходящее. Как следствие, он практически полностью потерял интерес к происходящему во власти. Несмотря на поток информации и постоянное виртуальное присутствие власти в нашей жизни, события, относящиеся к ней, не отражаются на повседневной жизни человека. Информацию о власти он воспринимает лишь *в ряду* общей информации, как далекое, не имеющее отношения к реалиям жизни, причем это относится в основном к *процессам*. Конечный результат еще важен, поскольку он единственный может оказать реальное воздействие на некоторые стороны обыденной

жизни⁷. В остальном же политики стоят в одном ряду с поп-звездами, являя собой яркий пример упомянутой выше артизации.

Результатом нашего небольшого исследования может быть следующий вывод. Отношения личности и власти действительно претерпевают сложные изменения, отражающиеся в смещении многих социокультурных параметров. Данные параметры касаются самых глубинных основ русской ментальности, формирующих отношение к власти в нашей культуре, и поэтому современные взаимоотношения личности и власти неустойчивы, не всегда прочны. Лишившись архетипического подкрепления, в ряде случаев мы просто не знаем, как реагировать в ситуациях, которые ранее имели четкую ритуальную структуру и были оснащены определенной мифологической и сакральной основой. Таким образом, сегодняшний момент характеризуется углублением противоречий между властью и личностью и поиском новых устойчивых форм отношений, соответствующих национальной ментальной картине мира. Все это оказывает большое влияние на ситуацию современного политического выбора в России и не может не учитываться современными исследователями отечественной политической ситуации.

Примечания

- 1 См.: *Тюгашев Е.А.* Ситуация как категория социокультурного анализа: Парсонс – Ясперс – Гегель // www.iprofit.ru/books/96648. С. 8.
- 2 Там же.
- 3 *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 201.
- 4 *Голубович И.В.* Ситуационный подход в контексте современного гуманитарного знания // Ситуационные исследования. Вып. 1. Ситуационный подход: Материалы Всерос. семинара. Казань, 2005. С. 18–19.
- 5 См., например, подробнее об этом: *Россошанский А.В.* Политическая функциональность масс-медиа в социокультурном контексте современной России // Изв. Саратовского университета. Новая серия. 2008. Сер. Социология. Политология. Т. 8, вып. 2. С. 104–107
- 6 См.: *Пелевин В.* Generation «P». М., 1999.
- 7 См., например, данные еженедельного дайджеста социальной информации АРПИ об отношении к избирательной кампании 2003 г. в Государственную думу. Так, совсем не интересуется ею 21%, мало интересуется 40%, что составляет 61% опрошенных. Но важными для себя результаты выборов считают 65%, так как это означает реальное изменение некоторых сторон их жизни (Российская газета. 2003. 25 сент.).